

В. П. Микитюк

ОТНОШЕНИЕ УРАЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ К ОБРАЗОВАНИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.*

УДК 94(470.5)”18/19”

ББК 63.3(235.55)531

В статье показано, что у разных поколений уральских предпринимателей наблюдались различия во взглядах по вопросу развития образовательной системы, что приводило порой к острым конфликтам «отцов» и «детей». Старшее поколение предпринимателей с настороженностью относилось как к проблеме народного образования в целом, так и к необходимости обучения собственных детей. Сначала подобные взгляды обуславливались относительной простотой торгово-промышленной деятельности, не требовавшей всестороннего и глубокого образования; позднее они стали следствием распространения среди учащейся молодежи радикальных политических взглядов. Пропаганда образования в средствах массовой информации, создание государством системы поощрений за поддержку образовательных учреждений, а также усложнение условий торгово-промышленной деятельности постепенно изменили отношение многих предпринимателей к проблеме народного образования. Трансформация взглядов уральских предпринимателей на эту проблему нашла отражение в значительном увеличении масштабов материальной помощи образовательным учреждениям, а также в быстром росте количества детей коммерсантов и промышленников, получивших начальное, среднее и высшее образование. Изменение взглядов предпринимателей, подкрепленное конкретными действиями, оказало сильное влияние на модернизационные процессы на Урале. В частности, это привело к росту численности образованных людей, многие из которых стали акторами модернизации как в экономике, так и в разных сферах общественной жизни Урала.

Ключевые слова: *Урал, предприниматели, купцы, образование, акторы модернизации*

Во второй половине XIX — начале XX в. уральские предприниматели стали вольными или невольными участниками модернизационных процессов, затронувших практически все стороны российской действительности и оказавших существенное воздействие на систему народного образования. Это воздействие выразилось и в росте количества учебных заведений, и в увеличении численности учащейся молодежи в начальных, средних и высших учебных заведениях. Кроме того, стало меняться само отношение общественности, в том числе предпринимательских кругов, к вопросам развития сферы народного просвещения. Процесс изменения отношения уральских предпринимателей к образованию вообще и к необходимости обучения своих детей проходил неоднозначно. В 1860-е гг. старшее поколение коммерсантов и промышленников, появившееся на свет в дореформенное время,

проявляло настороженность в данном вопросе: некоторые представители этой генерации не только не отдавали своих «отпрысков» в учебные заведения, но и подавляли в них любое поползновение к самообразованию.

Писатель Д. И. Стахеев, выходец из купеческой среды, в своих воспоминаниях воспроизвел разговор елабужских «купеческих сынков»: «Грустны их лица и невеселый разговор ведут между собой.

— Вчера тятенька, — говорит один, — вырвал у меня книгу, и хорошая такая, занимательная книжка. Вся из песней сочинителя Кольцова. Вырвал да и бросил в печку. Зачем, говорит, ты такую похабщину читаешь?

— А мой тятенька, — рассказывает другой, — каждое утро приходит в горницу и обшаривает все углы и под подушкой и везде, потерял я, говорит, ребята, одну бумажку — не завалилась ли она как у вас тут? А мы уже давно знаем, что он не бумажку ищет, а книгу. Да какие у нас книги? Все церковные. Тятенька сам все читает вечерами и нас с братом часа по два заставлял слушать. Скучно-то как, Господи!»¹

Микитюк Владимир Петрович — к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: vmikitjuk@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 14-18-01625 «Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение», рук. И. В. Побережников

¹ Цит. по: Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX — начало XX века. Ижевск, 2001. С. 49.

Подобные действия «тятенек» объясняются не только их малограмотностью и косностью, но и тревогой за судьбу своих детей. В 1860–1870-е гг. в России появилось немало нелегальных организаций, пропагандировавших революционные идеи, нередко самого радикального свойства. Своих адептов они активно вербовали среди учащихся. Старшее поколение уральских предпринимателей знало о том, что в ряде учебных заведений работают учителя из числа политических ссыльных, совмещающие педагогическую деятельность с пропагандой революционных идей. Результатом их деятельности, в частности, стало создание нелегальных кружков в некоторых учебных заведениях. Случались и ученические волнения. Так, в ноябре 1860 г. учащиеся Пермской духовной семинарии написали письмо ректору, в котором потребовали изменить правила внутреннего распорядка. Вспокоившееся начальство провело в семинарии серию обысков, а затем в два приема исключило более 70 учащихся.² Прошло совсем немного времени, и в Перми грянул новый скандал. Из мужской гимназии был отчислен ученик, что повлекло за собой отказ учащихся старших классов от посещения учебного заведения.³

Нечто подобное происходило и в других населенных пунктах Урала. В самом начале 1870-х гг. Екатеринбург был взбудоражен событиями в гимназиях — мужской и женской. Часть педагогов была убеждена, что некоторые их коллеги дурно влияют на нравственность учащихся. В частности, такие обвинения выдвигались против П. М. Вологодского, А. В. Кролюницкого и В. И. Обреимова. В ситуацию вмешалось руководство Казанского учебного округа, которому до 1875 г. подчинялись учебные заведения Пермской губернии. Не остались в стороне и правоохранительные органы, которые установили, что часть гимназистов, гимназистов и учеников Уральского горного училища попала под влияние педагогов, увлекавшихся народническими идеями. Выяснилось также, что некоторые учащиеся нередко собираются на квартире В. И. Обреимова.⁴ Реакция властей была жесткой: несколько педагогов было выслано из Пермской губернии,

другим пришлось отказаться от преподавательской деятельности; кроме того, из мужской гимназии было отчислено 5 учеников. Это, в свою очередь, вызвало брожение среди учащихся: они начали пропускать уроки, а затем ученики одного из классов «подали директору коллективное прошение об увольнении из гимназии».⁵ Наказание за дерзкий демарш последовало незамедлительно: старший класс в полном составе был оставлен на второй год. Досталось и руководству обеих гимназий: директорам пришлось оставить занимаемые должности. Страшным отголоском этой истории стало убийство директора мужской гимназии Я. И. Предтеченского, совершенное 13 мая 1874 г. гимназистом А. Скачковым.

Среди участников волнений в Екатеринбурге были и дети предпринимателей. Исключенный из гимназии К. Шамарин был сыном камышловского купца А. И. Шамарина, владельца крупного кожевенного завода. Убийца Я. И. Предтеченского также происходил из купеческой семьи: он был сыном екатеринбургского купца 1-й гильдии М. М. Скачкова. Реакция старших Шамариных и Скачковых на происшедшее неизвестна, поскольку конфликты «отцов» и «детей» редко становились достоянием общественности. Предпринимательские кланы, особенно купеческие, жили по принципу «мой дом — моя крепость» и старались, чтобы информация о внутрисемейных разногласиях не достигала ушей любопытствующих. Лишь в редких случаях, когда происходило нечто из ряда вон выходящее, информация об этом становилась известной общественности.

Примером может служить трагическое событие, случившееся в семье екатеринбургского купца П. А. Злоказова в марте 1886 г. Речь идет о самоубийстве его сына Алексея, служившего в семейной фирме кассиром. Это событие быстро обросло слухами, которые проникли и на страницы газет: «Что происходило перед происшествием между отцом и сыном и как угораздило молодого Злоказова застрелиться — верно никто не знает. Одни говорят, что ревизией старших у застрелившегося обнаружена растрата денег; другие — что покойный влюбился в гувернантку (личность, правда, образованная и недурна собой), хотел на ней жениться, но отец, имея миллион, никак не мог на это согласиться. Третьи, что “пасынку” не было житья от “мачехи” и что отец, доверяя

² См.: Рабинович Я. Б. Круг Н. Г. Чернышевского и разночинцы Урала в период новой революционной ситуации в России. Пермь, 1983. С. 25.

³ Там же.

⁴ См.: Рабинович Я. Б. Ревнители прав народных: очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х — нач. 70-х гг. XIX в. Пермь, 1989. С. 79.

⁵ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 174.

более одному из своих служащих, доверенному Г., игнорировал всякие распоряжения сына». ⁶ Были еще и «четвертые», полагавшие, что все дело в белой горячке.

Люди, знавшие семью Злоказовых, подобные причины самоубийства отвергали как неосновательные: Алексей Петрович был известен им как высоконравственный человек с мягким характером, у которого не было склонности к «зеленому змию». В их среде бытовало мнение, что причиной трагедии стали разногласия отца и сына в вопросе о методе ведения коммерческих операций.

Старший Злоказов принадлежал к числу крупнейших уральских винокуров и торговцев спиртными напитками, которых в народе именовали «кабатчиками». Торгуя водкой, он вел острую борьбу с конкурентами, в том числе с содержателями общественных кабаков. Стараясь разорить соперников, П. А. Злоказов сочетал экономические меры давления с внеэкономическими. В 1883 г. он попытался убедить некоего Егорова отказаться от идеи открытия общественного кабака в селе Бродокалмакское Шадринского уезда. Его приказчик И. Т. Копылов предложил крестьянину взятку в 500 руб., но Егоров оказался неуступчивым человеком. Получив отказ, «И. Т. Копылов поступил более энергично: улучив удобную минуту, он избил Егорова до бессознательного состояния и пообещал “привести”, если последний не уймется». ⁷

Подобные случаи, равно как и другие проделки «кабатчиков», освещались прессой, что бросало тень на деловую репутацию предпринимателей, в том числе и Злоказовых. Старшее поколение, как правило, не обращало внимания на статьи, порочащие их достоинство. Среди же младшего поколения встречались люди, которые более щепетильно относились к своей деловой репутации. По мнению осведомленных людей, жесткие методы ведения бизнеса претили Алексею Злоказову, и он пытался им противодействовать, но не встретил у отца понимания. Наконец он решился на отчаянный поступок и застрелился. Это происшествие дошло до общественности только в виде сплетен, не подкрепленных никакой достоверной информацией. Семья Злоказовых хранила полное молчание и даже не пыталась опровергнуть слухи, выплеснувшиеся на страницы газет.

Лишь в некоторых случаях конфликты «отцов» и «детей» становились известными широкому кругу уральцев. Среди исключенных из гимназии был и купеческий сын Николай Андреев. Четырнадцатилетний подросток, успевший окончить четыре класса гимназии, не хотел ограничиваться неполным средним образованием и мечтал о высшем. Его отец, екатеринбургский купец 2-й гильдии Яков Прохорович Андреев (1828–1888), владелец банкирской конторы и винокурного завода, на этот вопрос смотрел совершенно иначе. Раздосадованный исключением сына из гимназии, он собирался держать его при себе, под строжайшим родительским надзором, а затем пристроить к делу. Отец не только не планировал отправлять сына в высшее учебное заведение, но и запретил ему помышлять о дальнейшей учебе.

Николай Андреев, однако, поступил вопреки воле отца. Дождавшись, когда тот отправится на ярмарку в Нижний Новгород, а мать с домочадцами удалится на дачу, он продал свои часы и книги, а вырученные средства использовал на оплату дороги до Санкт-Петербурга. Яков Прохорович, узнав о побеге сына, отказал ему в материальной помощи. Приехав в столицу, Николай оказался в тяжелом положении: средства к существованию у него отсутствовали. Однако уралец не отступил от своих намерений. С помощью студента Василия Каликина, выпускника екатеринбургской гимназии, он начал подготовку к поступлению в Технологический институт, которая заняла 1,5 года. Став студентом-технологом, Николай Андреев уделял время не только учебе, но и поиску всевозможных способов заработать средства к существованию. В основном он выполнял разнообразные поручения редакций столичных газет, но заработки были скудными, поэтому уральцу пришлось терпеть и холод, и голод. Все это вкупе с петербургским климатом стало причиной серьезного заболевания. Информация об этом дошла до Я. П. Андреева, и отцовское сердце дрогнуло. Он не только помирился с сыном, но и принял меры к его лечению. Посещение столичных врачей и лечение в заграничных клиниках благотворно сказались на здоровье студента, но к полному его исцелению не привели.

В 1879 г. Н. Андреев окончил Технологический институт. Поскольку, во время учебы он пользовался репутацией перспективного специалиста, профессор И. А. Вышнеградский, обративший внимание на способного студента,

⁶ Екатеринбургская неделя. 1886. № 12. С. 193.

⁷ Там же. 1883. № 43. С. 700.

предложил ему хорошее место работы с годовым окладом в 5 тыс. руб., но уралец отказался. Дело в том, что во время примирения с отцом он дал обещание вернуться на Урал и стать служащим отцовской фирмы. Свое обещание Н. Я. Андреев сдержал.

По возвращении Николай Яковлевич возглавил Никольскую фабрику, находившуюся в Туринском округе Тобольской губернии. К 1882 г. он завершил сооружение текстильного предприятия и монтаж основного оборудования, наладил технологический процесс производства сукна разных сортов. Н. Я. Андреев постарался также облегчить жизнь служащих и рабочих фабрики. По его инициативе на предприятии были открыты воскресные классы для взрослых, школа для детей обоего пола, дневной приют для малолетних детей, а также библиотека. Скоропостижная смерть прервала деятельность Николая Яковлевича Андреева, в котором некоторые современники видели «идеал гуманного капиталиста-труженика».⁸ Н. Я. Андреева, вне всякого сомнения, можно отнести к акторам модернизации. В отдаленном регионе он создал солидное предприятие, оснастив его современным оборудованием, а также сеть торговых заведений для реализации готовой продукции. Тем самым, он внес большой вклад в развитие торгово-промышленной сферы Урало-Сибирского региона.

Критическое отношение к образованию, характерное для многих предпринимателей старшего поколения, объяснялось не только политической подоплекой. Решая судьбу своих «отпрысков», они чаще всего руководствовались сугубо прагматическими соображениями. При сравнительно небольшом количестве учебных заведений и относительной простоте ведения торгово-промышленных дел, что было характерно для дореформенного времени, коммерсанты и промышленники всем формам обучения предпочитали домашнюю, причем желали, чтобы их сыновья получали навыки письма, счета, чтения, а остальные познания приобретали бы на практике. Однако в пореформенное время этот подход начал трансформироваться. Исследователь В. И. Байдин отмечает: «По мере того, как более многообразными и сложными становились рыночные институты (появились акционерные компании, биржи, распространялся банковский кредит), осуществлялся переход промышленности на

стадию индустриального производства, развивалась общественная жизнь, отношение купечества к “правильному” образованию постепенно менялось».⁹

В то же время многие предприниматели сохранили прагматический подход к вопросу обучения своих детей. Не возражая против необходимости образования, как начального, так и среднего и высшего, они, тем не менее, в любой момент могли прервать учебу своих «отпрысков», руководствуясь, например, собственными воззрениями, или же сложившейся жизненной ситуацией. При этом желания и мечты детей, как правило, не учитывались. Примеров подобного поведения предпринимателей в уральской истории немало.

Так, екатеринбургский купец И. Т. Симанов, который сам «нигде не воспитывался»,¹⁰ отправил своего сына Илью в мужскую гимназию, но дал ему возможность окончить только четыре класса. Поступая так, купец руководствовался желанием иметь в своих торгово-промышленных делах надежного помощника, который позднее стал бы его основным наследником. После смерти отца, которая пришлась на 1879 г., И. И. Симанов возглавил фирму, занимавшуюся хлебной торговлей и мукомольным делом. По сходному сценарию складывалась судьба екатеринбургского купеческого сына Павла Первушина. Его отец, С. И. Первушин, скончался в молодом возрасте, оставив после себя вдову и шестеро детей. Вдова А. Н. Первушина позволила своему единственному сыну окончить четыре класса реального училища, а затем привлекла его к управлению делами семейной фирмы. Не слишком долго длилось обучение и одного из представителей пермского купеческого семейства Гавриловых: «А. П. Гаврилов учился в Пермском Алексеевском реальном училище, но не окончил полного курса, так как ему рано пришлось включиться в торговое дело родителей».¹¹ Суровая необходимость прервала учебу екатеринбургского купеческого сына А. Д. Ларичева, который прослушал курс за пять классов реального училища, а затем был призван отцом, купцом 2-й гильдии Д. Е. Ларичевым, в помощь для управления

⁸ Екатеринбургская неделя. 1892. № 22. С. 448.

⁹ Байдин В. И. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII — начале XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 22, 23.

¹⁰ Пермские губернские ведомости. 1879. № 56. Часть офиц. С. 270.

¹¹ Баяндина Н. П. Пермь купеческая. Пермь, 2002. С. 59.

мукомольным предприятием. По-видимому, к обучению детей этот купец подходил избирательно. Так, его дочь Екатерина Ларичева не только окончила семь классов гимназии, но и прошла обучение в 8-м, педагогическом, классе, получив звание домашней наставницы.

Конфликты «отцов» и «детей», связанные с образовательной сферой, разгорались по разным поводам. В последней четверти XIX — начале XX в. среди молодого поколения стали быстро набирать популярность профессии юриста, врача, педагога. Привлекали молодежь и творческие виды деятельности: журналистика, писательский труд, карьера художника и артиста. Многие представители старшего поколения к этим увлечениям молодежи относились с предубеждением: некоторые профессии, особенно творческие, в предпринимательской среде считались недостойными и ненадежными.

Особенно стойкие предубеждения существовали по отношению к артистам. В 1879 г. на Ирбитской ярмарке один из купцов, пообщавшись с актером В. Н. Давыдовым и узнав, что тот является дворянином и сыном полкового командира, простодушно высказался: «А ведь я до сих пор думал, что в актеры одна сволочь идет. У нас в городе пришел ко мне наниматься в учителя один приличный человек. Я, говорит, и по-французски, и по-немецки могу. Ну, что ж, думаю, пусть подкормится. Ходил дня два-три, а на третий золотые часы стянул да и исчез! Стали наводить справки. И что же вы думаете? Актером местной труппы оказался!.. Опасный народ!»¹²

Из-за подобного отношения некоторым выходцам из предпринимательских семей либо совсем не удавалось реализовать свои мечты, либо приходилось заниматься любимым делом уже после смерти родителей. Так, екатеринбургский купец-единоверец Г. Ф. Казанцев не стал препятствовать своим сыновьям, Владимиру и Гавриилу, при получении образования, как среднего, так и высшего. В. Казанцев, окончив в 1865 г. екатеринбургскую гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. Г. Казанцев после окончания в 1871 г. гимназии стал студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Братья, успешно окончив вузы, стали дипломированными специалистами, причем Гавриил получил степень кандидата естественных наук.¹³

Владимир Казанцев по окончании университета несколько лет работал судебным следователем, но после смерти отца в 1874 г. вышел в отставку и возглавил семейную фирму, взяв под свой контроль золотые прииски в Сибири и Оренбургской губернии. Он с ранних лет неплохо рисовал и задумывался о карьере художника, но, по-видимому, это желание не нашло понимания у Г. Ф. Казанцева. После 1874 г. все обстоятельства также были против Владимира Казанцева: младший брат продолжал учиться, поэтому возглавить семейную фирму было некому. По возвращении Г. Г. Казанцева на Урал братья некоторое время вместе занимались золотопромышленностью, а также открыли в 1879 г. в Екатеринбурге частный театр, для которого Владимир Гаврилович написал декорации. В 1880 г. он решился на неординарный поступок: отправился в Санкт-Петербург и стал вольнослушателем Академии художеств, которую окончил в 1884 г. со званием классного художника второй степени. Позднее, в 1890 г., он получил звание художника первой степени, а в 1894 г. — звание академика живописи.

Нечто подобное произошло с купеческим сыном П. О. Телегиным, который с младых ногтей увлекался театром и нередко принимал участие в постановке любительских драматических и комедийных спектаклей. Однако при жизни отца купеческому сыну пришлось сосредоточиться на торговле мануфактурой и на разработке золотых приисков. Года через три после смерти главы семейства Петр Олимпиевич отважился на необычный шаг: он оставил торговлю и взялся за антрепренерство, сочетая его с артистической деятельностью. В историю российского провинциального театра он вошел под псевдонимом Заречный.¹⁴

Конфликты «отцов» и «детей», развивавшиеся как внутрисемейные, порой приобретали характер открытой конфронтации, что подтверждается приведенными примерами. Дискуссии между различными поколениями предпринимателей на тему пользы образования, выходявшие на общественный уровень, крайне редко принимали открытый характер. Противники образовательной системы или сторонники ограниченного ее развития, не желая прослыть ретроgrадами и подвергнуться насмешкам, почти не высказывались в печати или на публичных собраниях. Они предпочитали находиться в «молчаливой оппозиции»,

¹² Давыдов В. Н. Рассказ о прошлом. М.; Л., 1931. С. 335.

¹³ ГАСО. Ф. 11. Оп. 11. Д. 297. Л. 1.

¹⁴ См.: Зауральский край. 1913. 2 апр.

не отказываясь и от противодействия развитию этой сферы. В частности, многие предприниматели не спешили отдавать своих детей в средние и высшие учебные заведения. Кроме того, они не оказывали материальной поддержки ни школам, ни организациям, помогающим беднейшей части учащихся.

Определить численность «молчаливой оппозиции» сложно, но ее присутствие ощущается не только во второй половине XIX в., но и в начале XX в. Объясняется это обстоятельство неоднородностью состава предпринимателей Урала. На протяжении всего указанного периода в их ряды активно вливались выходцы из непривилегированных сословий, часть которых либо не видела большой пользы в образовании, либо не имела достаточных средств как для обучения своих детей, так и для материальной поддержки начальных и средних учебных заведений. Сказывался и религиозный фактор: далеко не все предприниматели, являвшиеся старообрядцами и единоверцами, были готовы обучать своих «отпрысков» в государственных училищах и гимназиях, старообрядческих же школ даже в начале XX в. было мало.

Для коммерсантов и промышленников, выходцев из непривилегированных сословий, была весьма свойственна подозрительность к средним и высшим учебным заведениям по политическим мотивам. Многие уральские предприниматели и в начале XX в. продолжали смотреть на образовательные учреждения как на рассадники радикальных политических идей и совершенно искренне считали, что слово «студент» вполне тождественно по значению словам «революционер», «социалист» и «смутьян». Не случаен тот факт, что в октябре 1905 г. в Екатеринбурге местные черносотенцы, представленные в основном мелкими торговцами, разогнав митинг большевиков, с особенной яростью набросились на колонну учащихся. В результате был убит ученик торговой школы, а многие учащиеся были сильно избиты. В течение нескольких часов черносотенцы кружили по городу, нападая на любого горожанина, одетого в форму учащегося средних учебных заведений или студенческую.

Во второй половине XIX — начале XX в. у ряда уральских предпринимателей наблюдалась и другая позиция по отношению к развитию образования. Она заключалась, во-первых, в более или менее щедром финансировании обучения своих детей, а во-вторых, в оказании разнообразной помощи учебным

заведениям. Многие уральские предприниматели, сталкиваясь с усложнением условий ведения торгово-промышленной деятельности, не жалели средств на учебу своих детей. Так, малограмотный купец В. Н. Иванов дал возможность двум своим сыновьям, Павлу и Анатолию, получить среднее и высшее образование, причем первый окончил Московское высшее императорское училище, а второй — Московский сельскохозяйственный институт. И инженер-механик, и ученый агроном вернулись на Урал и включились в предпринимательскую деятельность. Пермский купец Е. К. Тупицын поступил точно так же: два его сына, Александр и Владимир, помимо среднего образования, получили и университетское. Подобных примеров на Урале было немало.

Многие предприниматели, скептически относившиеся к женскому образованию, в пореформенное время изменили свою позицию и не только отправили своих дочерей в гимназии, но и не стали препятствовать им при выборе профессии. Купец И. Ф. Шапошников, имевший скромное домашнее образование, отправил в гимназию нескольких дочерей. Александра Шапошникова, окончив гимназию, устроилась на службу в Екатеринбургскую телеграфную контору. Ее сестра Анна кроме основного курса гимназии, окончила и 8-й, дополнительный, класс, который давал педагогическое образование. Получив звание домашней наставницы, она с 1876 г. по 1918 г. занималась преподавательской деятельностью. Почти так же сложились судьбы купеческих дочерей из рода Береновых. Прасковья Александровна в 1900 г. окончила гимназию и получила звание домашней учительницы. Затем она несколько лет работала в школе Верх-Исетского завода и служила конторщицей в страховой фирме. В советское время она некоторое время была учительницей школы 1-й ступени № 14. Ее родственница Анна Павловна Беренова по окончании епархиального училища многие годы проработала в Екатеринбургской Свято-Духовской церковно-приходской школе.¹⁵

В тех семьях предпринимателей, где появились обладатели среднего и высшего образования, сложилась своеобразная преемственность, которую подметила Н. П. Лигенко: «Молодая поросль 60–70[-x] гг. XIX в. в условиях прогрессивного развития общества активно обратилась к знаниям. Своим детям — поколению

¹⁵ См.: Зауральский край. 1914. 2 мая.

80–90-х гг. — постаралось дать общее и часто высшее образование в самых различных учебных заведениях, в том числе в лучших вузах страны».¹⁶

Предприниматели, изменив свое отношение к обучению детей в средних и высших учебных заведениях, смогли пополнить штат служащих семейных фирм образованными и квалифицированными кадрами, которые сыграли важную роль в модернизации существующих промышленных предприятий, в сооружении новых фабрик и заводов, а также во внедрении новых технологий. Иными словами, это привело к пополнению отряда акторов региональной модернизации.

Трансформация взглядов предпринимателей на дело просвещения имела и другие последствия. В частности, заметно выросло количество пожертвований на нужды учебных заведений, увеличились масштабы помощи беднейшим учащимся. Пожертвования имели место и в дореформенное время, но предприниматели предпочитали больше жертвовать на нужды религиозных учреждений, нежели учебных заведений. Так, в 1858 г. религиозные учреждения Вятской губернии получили от благотворителей 45 322 руб. 19 ¹/₄ коп. деньгами и 15 тыс. руб. вещами, а на нужды школ поступило лишь 39 руб. 3 коп.¹⁷

Начиная с 1860-х гг. ситуация стала меняться. Уральские предприниматели постепенно увеличивали объем помощи учебным заведениям, а также сделали ее более разнообразной: они жертвовали школам земельные участки и здания, делали единовременные взносы на текущие нужды, учреждали стипендиальные капиталы, вносили плату за обучение детей из малоимущих семей и т. д. В некоторых случаях предприниматели выступали в роли основателей учебных заведений. Например, кунгурский купец А. С. Губкин в 1871–1878 гг. построил в родном городе техническое училище, а братья Злоказовы основали и более 25 лет содержали в поселке Каслинского металлургического завода начальную женскую школу. На подобные цели тратились немалые суммы. Так, Губкин только на сооружение здания училища потратил 400 тыс. руб.¹⁸

Уральские предприниматели приняли активное участие в создании самостоятельных

организаций, призванных помочь учащейся молодежи. Уже в последней четверти XIX в. на Урале начали возникать общества вспомоществования «недостаточным» учащимся. Один из инициаторов создания этих организаций, убеждая власти в их полезности, указывал на то, что их главное назначение — дать детям возможность получить «законченное здоровое образование». Его необходимость он обосновал следующим образом: «Все известно, что в прискорбных политических процессах нашего времени значительный процент фигурирующих на скамье подсудимых — это недоучки, не окончившие своего образования по разным причинам; при законченном здоровом образовании они могли бы, быть может, [стать] полезными гражданами, сумевшими бы отличить добро от зла, они не кидались бы, как кидаются теперь, благодаря своему нравственному и умственному убожеству, навстречу вредным учениям, льстящим их молодому незрелому самолюбию и обещающим им многое без всякого труда; они не стали бы тогда осуществлять нелепые, неприменимые ни к какой здоровой государственной жизни свои фантастические идеи».¹⁹

Общества вспомоществования сравнительно быстро завоевали популярность. В последней четверти XIX — начале XX в. на Урале было создано около сотни организаций, оказывающих помощь «недостаточным» учащимся начальных и средних учебных заведений. Кроме того, в регионе возникло не менее восьми обществ, помогающих студентам. Для поддержки образовательной системы создавались общества и другого типа, в частности попечения о начальном образовании. Нередко в таких организациях действительными и почетными членами были представители старшего и младшего поколений некоторых предпринимательских семей. Так, в обществе попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде одновременно состояли Федор и Магдалина Злоказовы, их сыновья Сергей и Николай, а также замужняя дочь Вера Арнольдова.²⁰ Подобные факты свидетельствуют о том, что в предпринимательской среде все реже имели место конфликты «отцов» и «детей» на почве отношения к образованию и все чаще наблюдалась совместная работа по совершенствованию системы народного просвещения.

¹⁶ Лигенко Н. П. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ См.: Общественное призрение // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. С. 217.

¹⁸ См.: Малеев А. Кунгурское техническое училище // Пермские губернские ведомости. 1879. № 47. Часть неофиц. С. 225.

¹⁹ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 91. Л. 8–8об.

²⁰ Отчет общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге за 1900/1 год. Екатеринбург, 1902. С. 39, 43.

Наиболее активная часть предпринимателей, сотрудничавшая с земствами и городскими думами, имела возможность помогать учебным заведениям через органы местного самоуправления, так как в их ведении находились вопросы финансирования начальных школ, гимназий и реальных училищ. На думских и земских заседаниях предприниматели участвовали в обсуждении проблем местной образовательной системы. В частности, здесь рассматривались вопросы открытия новых учебных заведений, расширения существующих школ, сооружения школьных зданий, увеличения оплаты за учебу и зарплаты учителям, организации стипендиальных фондов. Кроме того, думы и земства имели право избирать членов училищных советов, почетных попечителей и членов попечительских советов учебных заведений. Поскольку должности почетных блюстителей и попечителей подразумевали денежные пожертвования, постольку наиболее желательными кандидатами на них являлись предприниматели. При обсуждении разных проблем возникали и разногласия, но они касались в основном вопроса целесообразности расходования средств. Как правило, об отказе финансирования дела народного просвещения речи не шло.

Усилия органов местного самоуправления, а также меры, принятые Министерством народного просвещения и другими ведомствами, привели к тому, что число учебных заведений на Урале и общее количество учащихся стало расти. Например, в Вятской губернии в 1858 г. действовало 189 училищ, в которых обучалось 9 609 школьников.²¹ В 1890 г. в губернии уже насчитывалось 932 учебных заведения, а число учащихся достигло 60 785 (48 432 чел. муж. пола и 12 353 — жен. пола).²² Нечто похожее наблюдалось и в других уральских губерниях. В 1898 г. в Пермской губернии с населением в 3 105 705 человек действовало 1 828 учебных заведений, в которых обучалось 105 963 учащихся (75 985 — муж. пола и 29 978 — жен. пола).²³ В 1915 г. в губернии было уже 3 492 заведения образовательного типа. В них обучалось 247 454 учащихся

(154 541 — муж. пола и 92 913 — жен. пола).²⁴ Таким образом, за 17 лет число учебных заведений выросло на 1 664, а численность учащихся — на 141 491 чел.

Данные показатели носят относительный характер. В учебных заведениях любой уральской губернии обучались выходцы и из других регионов, в том числе отдаленных. В свою очередь, уральцы регулярно отправлялись за получением образования и в соседние регионы, и в отдаленные центры, в том числе в Москву и Санкт-Петербург, а также за границу. В основном это обуславливалось необходимостью получить среднее и, особенно, высшее образование, так как вузов на Урале до Первой мировой войны не было. Несмотря на неполноту вышеприведенных статистических сведений, они, тем не менее, достаточно точно отражают поступательную динамику развития системы народного просвещения на Урале.

В предпринимательской среде конфликт «отцов» и «детей» в отношении народного просвещения был наиболее характерен для 1860–1870-х гг. Представители старшего поколения настороженно относились к образовательной системе, так как видели в средних и высших учебных заведениях рассадник радикальных идей. По этой причине они не хотели, чтобы их дети получали образование и чтобы открывались новые учебные заведения. В последующие десятилетия подобная позиция периодически возрождалась, так как многие учебные заведения по-прежнему находились под влиянием представителей разных радикальных организаций. Кроме того, конфликты разных поколений порождались сугубо прагматическим подходом глав предпринимательских семей, которые полагали, что их отпрыскам вполне хватит начального или неполного среднего образования.

По мере значительного усложнения торгово-промышленной деятельности отношение старшего поколения к вопросам образования стало меняться. Нуждаясь в образованных и квалифицированных помощниках, старшая генерация предпринимателей стала охотнее отправлять своих детей в средние и высшие учебные заведения, а также оказывать разнообразную помощь делу народного просвещения. Кроме того, они начали влиять на развитие образовательной системы через органы местного

²¹ См.: Народное просвещение // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. С. 219.

²² См.: Учебные заведения Вятской губернии в 1890 году // Календарь Вятской губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 42.

²³ См.: Ведомость о числе учебных заведений и учащихся в них в Пермской губернии на 1 января 1898 г. // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год. Пермь, 1900. С. 37.

²⁴ См.: Ведомость о числе учебных заведений и учащихся в них в Пермской губернии на 1915 г. // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. Пермь, 1917. С. 49.

самоуправления, а также посредством участия в деятельности самодеятельных организаций. Немалую помощь учебные учреждения получили за счет благотворительной деятельности уральских коммерсантов и промышленников.

Изменение отношения предпринимателей к образованию содействовало развитию сети

образовательных учреждений и росту численности образованных людей, что оказало серьезное воздействие на модернизацию Уральского региона. Эффективная деятельность предпринимателей в сфере народного просвещения дает основание считать их акторами региональной модернизации.

Vladimir P. Mikityuk

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vmikitjuk@mail.ru

THE ATTITUDE OF THE URAL ENTREPRENEURS TO EDUCATION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The article deals with the study of the differences of opinion on the education system development problem which often provoked heated debates between the “fathers” and the “children” generations. The older generation of entrepreneurs did not regard the problem of public education in general, or the need to educate their own children as something worthy or necessary. At first this attitude was a function of the relative simplicity of trade and commerce practices which did not require any comprehensive or fundamental education; later it became associated with the spread of radical political views among the university students. Propaganda of education in the media, creation of the state system of incentives for the support of educational institutions, as well as the growing sophistication of business facilitated gradual changes in the attitudes of many entrepreneurs to the problem of public education. Transformation of the Ural entrepreneurs' views on the subject was reflected in a significant increase of the scale of financial assistance to educational institutions, as well as a rapid growth of the number of the traders' and the industrialists' children who received elementary, secondary or university education. The change in the entrepreneurs' attitudes supported by their specific actions had a profound effect on the modernization processes in the Urals. In particular, this led to an increase in the number of educated people, many of whom became modernization actors both in the economy and in various spheres of social life of the Urals.

Key words: *Ural, businessmen, merchants, education, modernization, actors*

REFERENCES

- Bayandina N. P. *Perm kupecheskaya* [Perm merchant]. Perm: Pushka Publ., 2002. 160 p. (in Russ).
- Baydin V. I. *Evolyutsiya sotsialno-kulturnogo i bytovogo oblika verkhushki uralskoy burzhuazii v kontse XVIII — nachale XX vv.* [The evolution of the socio-cultural and domestic appearance of the Ural top of bourgeoisie in the late 19th — early 20th centuries]. *Uralskiy sbornik. Istoriya. Kultura. Religiya* [Ural collection. History. Culture. Religion]. Ekaterinburg: Uralskiy gosuniversitet Publ., 1997, pp. 17–27. (in Russ).
- Davydov V. N. *Rasskaz o proshlom* [Story of the Past]. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1931. 475 p. (in Russ).
- Istoriya Urala v period kapitalizma* [The history of the Urals in the period of capitalism]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 504 p. (in Russ).
- Ligenko N. P. *Kupechestvo Udmurtii. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka* [Merchants Udmurtia. The second half of the 19th — early 20th century]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2001. 432 p. (in Russ).
- Rabinovich Ya. B. *Krug N. G. Chernyshevskogo i raznochintsy Urala v period novoy revolyutsionnoy situatsii v Rossii* [N. G. Chernyshevsky commoners and the Urals during the new revolutionary situation in Russia]. Perm: PGU Publ., 1983. 84 p. (in Russ).
- Rabinovich Ya. B. *Revniteli prav narodnykh: Ocherki po istorii revolyutsionno-demokraticheskogo dvizheniya na Urale v 60-kh — nach. 70-kh gg. XIX v.* [Adherents of the rights of People: Essays on the history of the revolutionary-democratic movement in the Urals in the 60's — early 70's of the 19th century]. Perm: Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1989. 188 p. (in Russ).

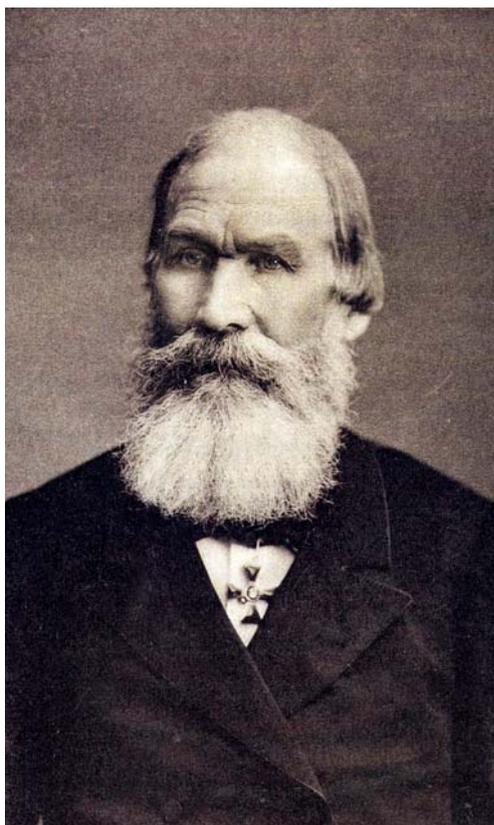
К статье В. П. Микитюка

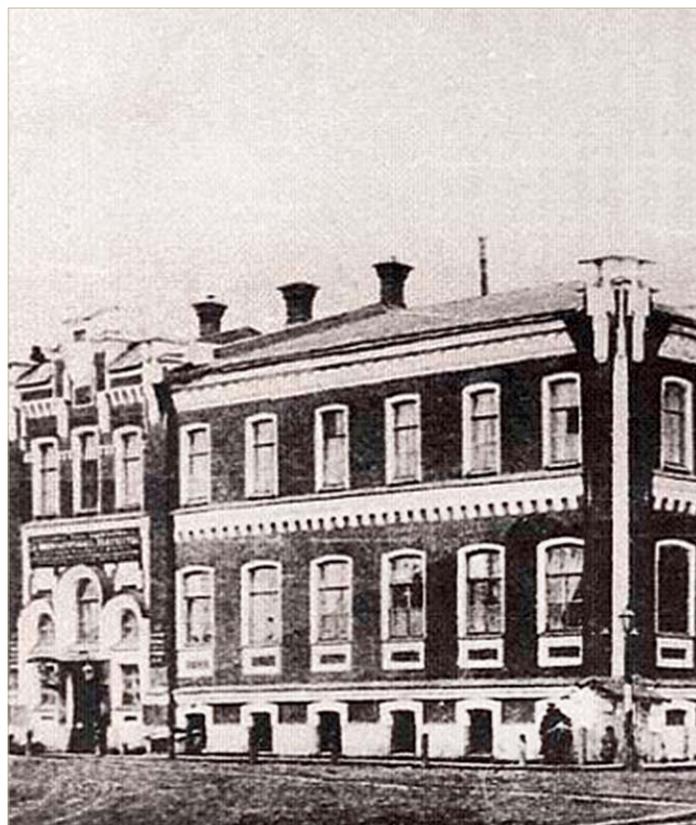
Алексеевское реальное училище (Екатеринбург). Начало XX в. Частная фотоколлекция

Ученики Алексеевского реального училища. Конец XIX в.
Частная фотоколлекция

Губкин Алексей Семенович
(14.03.1816 – 27.11.1883)

Елизаветинская рукодельная школа (Кунгур),
построена на средства А. С. Губкина в 1878 г.

Гимназистки (Кунгур).
Фотография Д. Долгушева, 1900-е гг.